

Часть 1

Сара Бернар

Что, черт возьми, случилось с ее ногами? Лера выбивалась из сил, пытаясь сделать хотя бы шаг по вязкому песку, и не могла. Митина спина серым пятном маячила впереди, и пятно это становилось все меньше и меньше. Нет, она не хотела, не могла остаться на берегу один на один с ледяным штормящим морем. И тяжелые низкие тучи, они того и гляди придавят Леру к земле. Она должна догнать мужа...

Митя! Язык не слушался ее, проклятый песок забился в горло и не давал дышать. Все, еще секунда, и она никогда не увидит Митю, мерзкая зыбь под ногами засосет ее безвозвратно. И тогда Лера сделала, в сущности, невозможное — бро-

сила вперед и вверх свое тяжелое непослушное тело и... полетела... Какая-то тряпица, ах да, жалкая лягушачья шкурка, соскользнула с ее тела, и оно стало невесомым. Набухшие злобой тучи остались далеко позади, а Лера летела, летела, все выше, выше... Господи, какое счастье!

Но как же Митя?! Он же остался там, внизу! И Лера, совершенно голая, неслась над землей, и все смотрели на нее! Тело вдруг снова стало наливаясь тяжестью, и Лера камнем упала прямо на серые плечи мужа, больно ударившись о них виском. Ну и пусть! Она крепко обхватила руками податливую плоть и...

Это была подушка. Да-да, всего лишь подушка в дурацких розовых цветочках, а Лера лежала, зарывшись в нее носом. И хотя лютики-незабудки пахли Митькиным лосьоном, Лере этого было безумно мало, она хотела его всего целиком, сейчас, немедленно!

Значит, ей все приснилось, но вот боль в виске была абсолютно настоящей, и Лера не без труда приподняла тяжелую голову. Так вот обо что она так качественно треснулась — содовый телефон, не подающий признаков жизни. Как сей предмет оказался на Мить-

киной подушке? Лера потеряла ушибленное место, и это, похоже, помогло — она стала кое-что припоминать...

В их крошечный театрик с отнюдь не крошечным названием «ГелиосАрт» Лера во-рвалась подобно тайфуну, рискуя развалить его как карточный домик.

— Здравсте, Семен Семеныч! — Она пронеслась мимо вахтера точно чемпионка по слалому.

Еще вполне крепкий старикан чуть не подавился чаем.

— Тьфу ты, все углы посшибает! — Он поставил на стол надколотый с одного краешка бокал, отер губы и грозным голосом прогремел вслед нарушительнице: — В следующий раз не пущу после звонка!

«С днем рождения, Лера! Завтра придешь с родителями...»

Антон Фомич, худрук театра, пардон, их главреж, пришедший в «ГелиосАрт» полтора года назад, приволок с собой громоздкий письменный стол, портреты театральных гуру, табличку «главный режиссер» и — внимание! — железную дисциплину. Стол занял

почти всю площадь малюсенького кабинета, табличка украсила давно некрашенную дверь, портреты гуру разместились на стенах коридоров. Все оставшееся пространство заполонила дисциплина.

И вот теперь Лера опаздывала. «Живете ближе всех и всегда оказываетесь в последних рядах», — непременно привет Фома. Не всегда, а очень редко. Не особенно тонкий намек на «последние ряды» Лера вообще старалась пропускать мимо ушей. Но на сей раз она и в самом деле опоздала, позорно проспала, да еще репетиция в костюмах!

Едва не сорвав с петель дверь, Лера влетела в опустевшую гримерку, которую делила еще с шестью актрисами, и, скуля и приплясывая от нетерпения, стащила с себя одежду. Лерин, с позволения сказать, «костюм», в одиночестве висевший на плечиках, выглядел еще ужасней, чем в небольшой компании таких же убогих собратьев.

Где, ну где, скажите на милость, у этой бесформенной тряпки «перёд»? Лера отыскала его лишь с третьей попытки и, путаясь в немислимых лоскутах, напялила зеленую хламиду. Взглянула на себя в зеркало и поморщилась — само собой, ее смуглое лицо

тут же приобрело нежно-салатовый оттенок, но на него времени не оставалось. Ужас, «со всем как огурчик зелененький он был». Волосы подколоть, чтобы не лезли в глаза, туфли на шпильках долой, она наденет их перед выходом на сцену. Телефон... нет, в складках этой тряпицы не спрячешь даже блоху, и вообще, нельзя сейчас думать о Митьке. Вперед, Гришина!

Ух, показали бы ей того, кто придумал эти узкие коридоры, к тому же готовые завести тебя черт знает куда! Лера помчалась к цели по очередному полутемному аппендиксу, время от времени задевая за стены. Она, и не оглядываясь, знала — Константин Сергеевич Станиславский и компания провожают ее укоризненными взорами. Возможно, кто-нибудь из них даже качает головой: «Эх, Гришина, Гришина...»

Плюгавенькая тень проворно метнулась чуть ли не из-под ног Леры, уступая дорогу, и распласталась по стене серой кляксой. Светочка Коробкина, моль бледная... Кажется, Лера все-таки задела ее плечом, потому что моль придушенно пискнула. Плевать... пять секунд — и шар в лузе!

Нет, перед «лузой» Лера все-таки при-

тормозила, вдохнула-выдохнула, чтобы справиться с чуть сбившимся дыханием, пригладила волосы и надела туфли. Оставался совсем пустяк — перевоплотиться в бестелесного призрака, что Лера и попыталась сделать: осторожно приоткрыла подло скрипнувшую дверь и, пригнувшись, шмыгнула внутрь, стараясь не стучать каблуками.

С первого взгляда стало очевидно, что все ее усилия были напрасны — в этот день закон подлости работал вовсю, и Фома решил начать как раз со сцены с «инфузориями». Интересно, он уже успел высказаться по поводу отсутствия одной из них? Раз так, Лера, больше не таясь, процокала на положенное место и улыбнулась. Никому конкретно, а всем, кто сейчас на нее смотрел.

Фома, сидевший в своем излюбленном пятом ряду, оживился и радостно спросил:

— Ой, кто это? Неужели сама примадонна? Все-таки решили почтить своим присутствием нас, убогих?

— Да вот, решила, — это был ответ как ответ, но Лера получила за него ощутимый пинок пониже спины, означавший только одно — «заткнись!»

Не будь у нее отличного чувства равнове-

сия... Лера не полетела головой вперед, а лишь переступила своими высоченными шпильками и быстро-быстро оглянулась на новоявленного суфлера Микаэлу Мальцеву, бросив ей многообещающий взгляд: «Ну, Мика, погоди!» Потом снова обезоруживающе, как ей хотелось верить, улыбнулась Фома, то есть всему пятому ряду.

Пожалуй, в одном Мика была права — продолжать в том же духе все-таки не стоило. Поэтому Лера опустила ресницы, скорбно поджала полные губы, разыграв этюд «молчание ягнят». Судя по тому, что Фома не стал углубляться в якобы расспросы, молчание получилось вполне удовлетворительным.

Итак, человек, которого она любила, уходил, ни разу не оглянувшись, совсем как в предутреннем сне. Ему не нужна была жалкая зеленая инфузория, про ее любовь он ничего не знал, да и знать не хотел...

— Стоп! Гришкина, вы что делаете?! Вот что? Вы? Сейчас? Делаете?

— Я?! — После яркого света, бывшего Лере в лицо, темнота зальчика казалась бездонной, и она никак не могла в этой темноте

выловить взглядом Фому. Красно-желтые пятна — пожалуйста, их она видела в огромном количестве, а главрежа — нет. И от этого ее смятение только усилилось.

— Да, Гришкина, вы! Что это за рожи вы мне здесь корчите?

Ладно, «рожу» Лера могла пережить совершенно спокойно, потому что по этой части она и в самом деле была великим мастером, но вот «Гришкину»...

— Я Гришина, — может быть, уже в десятый раз напомнила Лера.

Она все еще не могла стряхнуть с себя навязание — абсолютно настоящее чувство утраты, поэтому фраза прозвучала неприлично жалко и потерянно. Не стоило ей поправлять Фому, да еще таким вот голосом, тем более что он отлично знал ее фамилию и перевирал совершенно сознательно. Ни для кого не было секретом, что пресловутая Гришина вызывала у главрежа приступы неприязни, причем острой и плохо контролируемой.

«Наша примадонна», «великая Гришкина» — все это входило в постоянный репертуар Фомы и порядком Лере надоело. На самом деле Валерия Гришина не успела стать

примадонной, и вполне великим был только ее рост. Незабвенный создатель театра Павел Андреич Столяров, который, собственно, и привел Леру в эти стены, верил в ее талант. Но когда он неожиданно умер, Лерина звезда, вернее пока еще звездочка, маленькая и робкая, мигнула ей неверным светом и погасла, точно ее и не было. Теперь уже и сама Лера начала сомневаться в том, что она хорошая актриса.

И вообще нынешний главреж по отношению к рядовой актрисе вел себя как бык, завидевший красную тряпку, только что не пускал пламя из ноздрей и не рыл копытом землю. Именно поэтому Лера постоянно ощущала себя тореадором, выходящим с алой мулетой на арену ревущего стадиона. Вот и теперь, подав голос, она все равно что командовала: «Туро!» — и Фома с готовностью бросился на врага.

— А-а, так вы Гри-и-ишина... А я уж было подумал, что Немирович-Данченко, потому что только вы позволяете себе...

За спиной Леры хихикнули. Фома этот смешок тоже услышал и, выбравшись из своего пятого ряда и не переставая бубнить,

подошел к сцене вплотную, чтобы насладиться общим ликованием в полной мере.

— ... вы говорите свою реплику, отдаете ему зонт и сразу уходите. Понятно вам? У-хо-ди-те, а не демонстрируете нам свой экстерьер. И не гримасничайте! А то смотрит, будто он всю зарплату у нее занял и отдавать не хочет...

Теперь Лерины партнеры уже не хихикали, а давились смехом. Она, и не оглядываясь, точно знала — веселятся Соломатина, Мальцева и Раменская, то есть команда «инфузорий». А вот Стас наверняка «держит лицо», потому что и в самом деле числится Лериным хроническим должником.

А еще — альфонсом...

Мика Мальцева так распоясалась, что даже позволила себе что-то такое изобразить и вызвала тем самым очередной легкий припадок веселья, и Фома, вместо того чтобы привести компанию в чувство, изволил скупо улыбнуться.

Теперь Лера видела главрежа совершенно отчетливо, он стоял всего-то в нескольких метрах от нее, уперев руки в бока и выкатив круглый животик, и при этом еще все время перекатывался с пятки на носок и обратно.

Перпетуум-мобиле в вечном бесформенном свитерке и вечных мятых брюках. Было ясно, что Фома выпустил пар и пришел в хорошее расположение духа. В отличие от самой Леры.

Она взглянула на Стаса, то есть Марка. Так и есть, пока главреж «работал» с Лерой, герой-любовник тихо отполз на безопасное расстояние. Античный бог, вместо лица совершенная маска из мрамора — ни трещинки, ни складочки, то есть вообще ничего. Вообще-то Стас мог и не суетиться, он был их козырной картой, светочем, на который роем мотыльков слетались зрительницы всех возрастов, и Фома это прекрасно знал. Но все равно Стас страховался.

Когда отстрелявшийся Фома снова убрался на свое законное место, Стасик расслабился, прикрылся зонтом и состроил Лере зверскую гримасу. Слабак! Она в ответ тоже скорчила рожу, да такую, что Стас втянул щеки, чтобы не засмеяться, а менее стойкая Мика подавилась хохотом.

Они повторили сцену еще раз. Ничтожество в зеленом, которое в сценарии значилось как «вторая девушка», изрекло, с точки зрения Леры, нечто невразумительное, всучило красавцу Марку зонт и отползло в пра-

вую кулису. Финита ля комедия, сказал бы сейчас Лерин папуля. И оказался бы неправ, потому что главная комедия была еще впереди.

Дело заключалось в том, что оппозиция главной героини, по мнению Леры, полной клинической идиотки, еще не сложила оружия, плела интриги и строила козни. И при этом исполняла полные коварства и угрозы танцы... Да-да, именно танцы, что было, опять же с ее точки зрения, лучшим в данной пьесе.

Несколько месяцев назад Фома собрал труппу и спросил:

— А не сыграть ли нам, други мои, комедию? Нет, не тупую примитивную ржачку, какой сейчас повсеместно потчуют наш всеядный народ. Это будет спектакль, который заставит зрителя плакать и смеяться сквозь слезы, заставит взглянуть на себя и ближнего своего с новой стороны...

Фома говорил, а Лере совсем не ко времени вспомнилась бессмертная фраза из ее любимого старого фильма: «А не замахнуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира?»

— ...«Рыбка с зонтиком», интересная переводная пьеса, а мы ее сделаем еще и музыкальной! — Да, Фома замахнулся так замахнулся... Лера не засмеялась, почти и не улыбнулась, но Фома все равно разглядел что-то такое возмутительное на ее лице и чуть было не удалил из зала.

Речь в пьесе шла отнюдь не о рыбах, просто главная героиня лезла ко всем с помощью и участием, нужным им «как рыбке зонтик». Все ее, бедную, использовали как могли, а она лезла и лезла, помогала и помогала. Конечно, к финалу «рыбка» смогла преодолеть и коварство, и равнодушие окружающих, но ей пришлось немало для этого попотеть.

Фома тоже не хотел легкого хлеба и не собирался плавать на поверхности, поэтому набрал в легкие побольше воздуха и нырнул в глубину текста. И там, на этой глубине, он нарыл массу подтекстов, кучу вторых, третьих и четвертых планов, обнаружил «отчуждение и тотальное одиночество». В конце концов он даже решил провести, тонко и ненавязчиво, параллель между «ими и нами» — миром подводным и миром земным.

— А для разминки задумайтесь вот над

чем: с точки зрения рыб, есть ли разница между аквариумом и океаном? — тоном экзаменатора спросил главреж.

— Есть... — не очень уверенным хором прошелестела труппа.

— Ну, смотря какой аквариум... — ответила Лера и, честное слово, у нее были все основания для такого ответа.

— Своим интеллектом, Гришина, вы блеснете на сцене, — зловеще предупредил Фома и скоро предоставил ей такую возможность. Три выхода, один даже с репликой из двенадцати слов. Да плюс сольный танец, итого — почти двадцать минут на сцене. Между прочим, за последний год это было ее личным рекордом. И главреж ничего не мог поделать с тем, что Гусев, приглашенный постановщик танцев, отдал один из лучших сольных выходов именно Лере.

— Лера, зависни в прыжке! — кричал Гусев, наклонившись вперед и дергая подбородком — это он так помогал, и Лера зависала. Пожалуй, если бы ей скомандовали что-нибудь типа «лети!» — честное слово, у нее был шанс. Потому что Лера обожала танцевать и умела это делать. — Резче и агрессив-

ней, Лера, ты ведь хищница! Больше экспрессии!

Когда она танцевала, то ухитрялась забыть про идиотские хламиды, в которых выходила группа пронумерованных девушек — «хищниц». Художник, точнее, художница по костюмам Алена, следуя концепции спектакля, нарядила их в нечто, отдаленно напоминающее обрывки рыболовной сети. Мике — главной интриганке — достался желтый кусок, Лере — зеленый, были еще голубой и розовый. Причем все с приставкой «грязно-»... «В этом только танец инфузорий-туфелек исполнять», — сказала Лера, блеснув эрудицией, и Мика с ней согласилась.

— Мы веселые медузы, мы похожи на арбузы, — пела Лера в костюмерной. В ее случае это было идеальным попаданием.

— Все-то она у нас умеет. И чего на отделение музыкальной комедии не пошла? Выступала бы сейчас в оперетке... — Было непонятно, шутит Мика или говорит всерьез. Неясным оставался и другой вопрос: почему медузы, они же инфузории, должны носиться по сцене на шпильках?

— Ну так нас лучше видно, — не очень уверенно предположила не особенно высо-

кая Мальцева, — а главное, мне кажется, Алена внушила Фоме, что шпильки это просто верх стервозности.

Сама Мика, «девушка номер один», на двенадцатисантиметровых каблучищах держалась не очень уверенно, так что ее теория насчет верха стервозности несколько прихрамывала, иногда даже в прямом смысле. Лера подозревала худшее — главреж в глубине души надеется, что кое-кто переломает себе ноги, а остальным... как повезет. Ну а хореограф Гусев, естественно, думал только о своем и все время требовал: «Больше экспрессии, резче! Лера, двигайся, двигайся!» Еще он строго поговорил с Лерой с глазу на глаз, потребовав, чтобы она не смела заниматься самодеятельностью и менять рисунок танца. Иначе...

Лера могла бы посоветовать товарищу понаблюдать, как двигаются в воде стайки... хотя бы гуппи, раз уж под рукой нет акул, но благоразумно от совета воздержалась и клятвенно пообещала строго следовать авторскому замыслу. Тем более что Фома однажды поинтересовался: «А не слишком ли много э... э... второй девушки?» — «Только она вы-

тянет», — отрезал хореограф, и Лера осталась в прежних дозах.

В этот день Лере экспрессии было не занимать. Ровно двадцать пять лет назад она прокричала свое первое «уа-уа» — шаг влево, пируэт; Митька до сих пор не позволил — поворот всем корпусом, шаг вперед; Фома опять изгаляется, да и черт с ним — плечи развернуть! Потом Лера позабыла про все на свете, потому что появилось пьянящее ощущение легкости и полета, нужно только посильней оттолкнуться и...

Она и сама не поняла, что с ней произошло в следующую секунду. Все было сделано правильно, но только каблук правой туфли вдруг будто провалился куда-то, отчего Леру неудержимо потащило в сторону, в темноту зала. И она буквально рухнула на чело-века, стоявшего возле самой сцены.

Все произошло невероятно быстро и... складно. Лера даже не успела по-настоящему испугаться и совсем не ушиблась, потому что сцена была невысокой, а тело, лежавшее под ней, оказалось мягким, как матрас. И Лера почему-то нисколько не удивилась, когда, кое-как приподнявшись, разглядела в

сантиметре от своего лица красную физиономию Фомы. Главное, он был жив.

— Фома Антоныч! Антон Фомич, простите! — завопила она, как только смогла произнести хоть слово.

— Гр... Гри...ши... шина, слезьте... Слезьте с меня немедленно... Кто-нибудь, снимите ее с меня! — пропыхтел контуженный Фома.

Пожалуй, последняя реплика и привела Леру в чувство окончательно. Она засуетилась, перекинула через сопящего Фому ногу и не очень ловко поднялась, потом опасливо посмотрела вниз на поверженного главрежа. Фома напоминал пингвина, завалившегося на спину и машущего бесполезными крыльями. Между прочим, из такого положения птица сама подняться не может и поэтому обречена на гибель. Бедный Фома!

Присутствующие, выйдя из столбняка, толпой бросились к ним и, оттеснив Леру, теперь суетились вокруг главрежа.

— Не кантуйте, вдруг перелом позвоночника! — вскричал кто-то, и все испуганно отпрянули. Зато Лера в ужасе снова бросилась к своей жертве. Фома лежал посередине импровизированного круга и пытался приподняться. Между прочим, пытался вполне

активно. Лера опустилась рядом с ним на колени.

— Антон Фомич, перекатитесь на бок, я помогу вам встать.

— Клоунесса! — просипел Фома, но все-таки послушался ее совета и неуклюже перевалился на правый бок. Тут наконец Стас сдвинулся с места, и вдвоем с Лерой они подняли главрежа. Слава богу, судя по всему, Фома практически не пострадал и был даже в состоянии топтать ногами.

— Во-он из театра! — приняв вертикальное положение, тут же завопил он. — Я не позволю устраивать здесь балаган и превращать меня в шута! — Фома дрожащей рукой пригладил на макушке жидкие волосы и объявил, указав на Леру перстом: — Или я или она! Все, с завтрашнего дня вы уволены!

И паршивая овца в абсолютной тишине прохромала на сломанном каблуке в гримерную. Коридор, который утром она пролетела за пять секунд, теперь показался бесконечно длинным и унылым. Как жизнь, ожидавшая Леру впереди.

— Скажи спасибо, что ноги не перелома-ла. И как ты, Валерка, на таких копытах скачешь... — проворчал ничего не подозреваю-

щий Иван Григорьевич, иными словами, дядя Ваня, умеющий абсолютно все: ремонтировать сломавшиеся каблуки, зонтики и остановившиеся часы, управлять «горным эхом» и «шумом водопадов», а также строить «царские хоромы» из двух кусков фанеры. — Думаю, к послезавтрему будет готово.

Лера не стала объяснять, что «послезавтрие» для нее значения уже не имеет. Может быть, найдется в театре еще одна пара ног, которой «копыта» вполне подойдут. А для Валерии Гришиной бал, собственно говоря, закончился. С днем рождения, Лера...

Она удрала от любопытных взглядов и не ответила ни на один телефонный звонок, а вечером пришла точно к началу спектакля, для нее последнего, и сыграла свою последнюю роль. И даже улыбалась на общем поклоне.

Лера стояла у дверей родного театра и бездумно смотрела в... в общем-то, в никуда. До этого дня она раз сто твердила себе, что все бросит, попробует жить как-то по-другому. Сколько можно ждать неизвестно чего, надеяться хоть на какую-нибудь мало-мальски

серьезную роль? Но теперь, когда Фома указал ей на дверь, она чувствовала себя изгнанной чуть ли не из рая.

— Куда днем исчезла? Ты у нас прямо чайка, взяла и полетела, — произнес за Лериной спиной Стас и подул на ее открытую шею.

Лере было жарко, на душе скребли кошки, и тут еще это чужое теплое дыхание на разгоряченной коже... Она стремительно повернулась и, кажется, даже зашипела от гнева, по крайней мере герой-любовник торопливо попятился.

— Ого! Да от тебя прямо искры летят! Синие... как от электрического ската.

— Я думала, ты у нас спец только по кильке в томате, а ты вон что знаешь... — Мика выросла рядом с ними точно из-под земли, и теперь ее круглые рыжие глаза буравили Стасика.

Да, такой взгляд запросто проделал бы дыру в броне танка, но не в толстой Стасовой шкуре. Впрочем, ехидный тон Мики мог обмануть кого угодно, но только не его. Уж Стас точно знал — девушка млеет от любого его слова и жеста, какими бы наигранными они ни были. Как, между прочим, млели и те

девицы, что топтались неподалеку и теперь, замерев от восторга, следили за каждым движением своего кумира.

— Правильно думала, — влезла Лера в игру парочки, сама не понимая, зачем цепилась к пустяковой фразе, — никакие искры от ската не летят, тем более синие...

Конечно, эти двое тут же объединили свои силы против нее и обменялись взглядами единомышленников.

— Ну, понесло... — мрачно констатировала Мика.

— А ты не слушай ее, зайчик, — прокоптал отвратительным бархатным баритоном Стасик, сверху вниз глядя на Мику, — ты даже представить себе не можешь, как много я знаю. И готов поделиться своими знаниями...

— ...с каждой дурочкой, — снова влезла Лера. Откровенно говоря, она сама себе была противна, но и в самом деле не могла остановиться. В ушах все еще звучал вопль Фомы: «Во-о-он!!!»

Мика все прекрасно поняла. Она покопалась в своей сумке, достала сигареты и протянула подруге. Стас, на секунду выйдя из образа неотразимого обольстителя, жестом фокусника-виртуоза выдернул из пачки

сигарету для себя и тут же вновь превратился в героя девичьих грез — изящным артистичным движением поднес каждой из дам зажигалку.

— Что ты переживаешь из-за всякой ерунды? — Мика мастерски выпустила кольцо дыма из тщательно покрашенных губ. — Ты же его знаешь, поорет и отойдет, чай не в первый раз. Сама посуди, на носу премьеры — это раз, ты танцуешь очень прилично — это два. Он с тобой не расстанется, не мечтай.

— После того как я на него прыгнула? Он меня сразу невзлюбил, сами знаете, все это время только и ждал повода от меня отделиться и вот дождался.

— Лерочка, любой мужик будет просто счастлив, если ты на него прыгнешь. Хочешь, я...

Смотревшая куда-то в сторону Мика прищурилась, и Стас передумал продолжать. Лениво улыбнувшись, он лишь затянулся сигаретой.

— Ну положим, его действительно раздражает твой рост. — В Микином голосе тоже, между прочим, послышалось раздражение, но она быстро с ним справилась. — Твой метр восемьдесят...

— Метр семьдесят пять, — деловито уточнил Стас и стряхнул столбик пепла.

— ... против Фомкиного метра с кепкой...
Какому мужику понравится, когда женщина смотрит на него сверху вниз?

Вообще-то этот вопрос Мика задала скорее Стасу, и тот снисходительно кивнул, соглашаясь. Еще бы, их почти двухметровый мальчик мог себе позволить быть терпимым к чужим слабостям.

— И потом, помнишь, он сказал, что тебя слишком много? Проще надо быть, Лера, проще и послушнее. Что ты все постоянно накручиваешь вокруг каких-то двух слов текста? И надо всего-то сказать: «кушать подано», а ты начинаешь: ах, а какая у нее биография? Ох, а вдруг она выросла сиротой? Ух, а что, если ее в детстве уронили с лавки? Сегодня то же самое было.

— Если я не буду накручивать, то мне лучше перейти в уборщицы или в буфетчицы, или... — Лера замолчала, поняв, что может окончательно испортить день не только себе, но и подруге.

— Да уж договаривай, я не обижусь — или превратиться в Мику Мальцеву, которая не играет в большое искусство, стелется пе-

ред режиссерами и соглашается на любые халтурки, лишь бы ее заметили. Ну и что? Зато мне уже дают роли второго плана, и Фома обещал...

— Девочки, стоп! — пророкотал Стас и встал между ними, картинно разведя руки — ну прямо Парис, разрешающий спор богинь. Поклонницы, подтянувшиеся поближе, аж задрожали. — Нам что, мало разборок между нашими девками? Еще и вы будете цапаться?

— Стас прав. Мика, прости, но я сегодня действительно не в форме. — Лера могла бы добавить, что все эти споры теперь вообще не имеют никакого смысла, а перед ней лежит светлый путь: хочешь, иди в буфетчицы, хочешь — в уборщицы, а хочешь — на все четыре стороны. — Все, ребята, я ухожу, чао! — бросила она, хотя, возможно, ей следовало с каждым троекратно облобызаться и сказать: «Прощайте!»

Не тут-то было.

— Куда?! Что значит «все, чао»? — Мика даже порозовела от возмущения, а Стас ухватился за ремешок Лериной сумки. — Ты что, надеешься зажать такой классный повод для маленького междусобойчика?

Честное слово, Лера решила, что класс-